

К. И. Зубков

«НОВАЯ» РЕГИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА
И ДИСКУРС КОЛОНИЗАЦИИ

doi: 10.30759/1728-9718-2021-4(73)-71-78

УДК 930.2

ББК 63.0

В статье дается анализ концептуальных новаций в области изучения региональной истории, которые в 1980-е гг. привели к формированию «новой» региональной парадигмы в исторических исследованиях, а несколько позднее, в 1990–2000-х гг., — концепции «переселенческого колониализма» как одного из ее приложений к исследованию процессов колонизации. «Региональный поворот» в историографии, связанный с использованием описаний региональных ситуаций как моделей анализа более крупных уровней исторической реальности (включая регионально ориентированный институционализм в историко-экономических исследованиях), а также с изменениями тематического фокуса региональных исторических исследований (энвайронментализм, структуры повседневности, этническая история, история менталитета), сформировал — преимущественно на материалах колонизируемых регионов Запада США — парадигму «новой» региональной истории. В русле критики недостатков фронтальной концепции Ф. Дж. Тёрнера «новый» регионализм предлагает в качестве исследовательской парадигмы более глубокий и многомерный взгляд на природный базис региона и характерные для него структуры повседневности, выявление уникальной специфики каждого региона, структурный анализ социетальной композиции региона, акцент на мультикультурной и многоакторной природе колонизационного процесса, множественности стратегий освоения и «узлом» характере социальных взаимодействий. В свою очередь, эти методологические идеи легли в основу концепции «переселенческого колониализма», сфокусированной на структурном анализе «обществ», возникающих в процессе колонизации, и характерных для них сложных социально-институциональных и межэтнических взаимодействий. Это позволяет характеризовать «новый» регионализм и его применение к анализу феномена колонизации как важный этап углубленного и многоаспектного изучения колонизационной проблематики.

Ключевые слова: *регион, «новый» регионализм, фронт, структурный подход, мультикультурализм, дискурс, нарратив, «переселенческий колониализм», колонизация*

Обобщая историографические тенденции последних нескольких десятилетий, можно обоснованно говорить о формировании «новой» региональной парадигмы исторических исследований. При всей своей относительности определение «новая» в данном случае несет в себе довольно строгий смысл, позволяя провести водораздел между исчезающей традицией незамысловатых местных историй — как предшествующих национальной историографии продуктов усеченного, провинциального кругозора историка — и теми современными социальными, политическими и сугубо внутридисциплинарными (эпистемологическими) тенденциями, которые периодически актуализируют обращение историков к региональному масштабу исторического исследования — уже не просто как описания, но как пути разрешения определенных высокоспециализированных вопросов.

Во-первых, «новый» регионализм, проявивший себя в широком спектре социально-гуманитарных наук, явился отражением связанных с глобализацией неолиберальных геоэкономических тенденций, снижающих «барьерную» функцию национальных границ, но по-прежнему сохраняющих — или даже усиливающих — значение социальных качеств, проистекающих из специфики компактных природных и исторических сред. Примерно с конца 1980-х гг. это дает сильнейший толчок процессу концептуализации и институционализации регионов, обретению ими своих границ, статуса, символизма. При этом, однако, «ремасштабирование» многих экономических, политических и культурных процессов с упором на регионы во многом основано как раз на том, что регион, в отличие от нации-государства, — это эластичное, гибко изменяющееся, иногда воображаемое и конструируемое пространство, более адекватно отражающее всю сложность территориальных отношений современного мира и органику, присущую каждому масштабу проявления

социального.¹ Если же мы примем во внимание сопутствующие глобализации «сетевые» и «поточные» измерения, всемогущество Интернета и порождаемой им киберреальности, то к множеству реально идентифицируемых регионов мы можем добавить и бесконечное многообразие «регионов» реифицируемых, то есть виртуальных пространств.

Этот изменяющийся социальный контекст дает основания для полемики противопоставления в современных работах по исторической эпистемологии традиционного национального нарратива и региональной исторической парадигмы. Финский историк С. Рюкелехто, например, отмечает, что господствующая парадигма национального историописания, объяснимая целой системой инерционных факторов (специфика организации науки, эмоциональный мир историка, национальная узость источниковой базы, прямой социальный заказ или корпоративный конформизм), должна восприниматься как не более чем конвенциональный нарратив — стереотипный подход, стремящийся в тенденции замкнуть в жесткие границы реальность, которая по своей природе не может в них замыкаться, и подвергнуть присущее ей многообразие неоправданной унификации. По мнению историка, формируемая глобализацией пластичная и многолика социальная реальность в большинстве случаев делает региональный анализ, оперирующий понятиями «регион», «пространство», «территория», более предпочтительным способом ретроспекции, чем тот, что предлагает национально ориентированный исторический нарратив. Это касается, например, расширения поля компаративных исторических исследований. Важный в контексте глобализации новый подход к пониманию роли мест в объяснении причин экономических успехов или неудач, в свою очередь, дал мощный импульс развитию регионально ориентированного институционализма в экономике, который, как считает Рюкелехто, является, по сути, экспансией историзма в экономическую сферу.²

Во-вторых, возрождение интереса к региональной парадигме (как и другие характерные повороты в историописании) следует рассматривать в тесной связи со сменой актуальной исторической проблематики и с тем, насколько

последняя востребует региональный уровень анализа. Как отмечает американская исследовательница С. Армитидж, возникновение в США в 1980-х гг. «новой» региональной истории Запада во многом объясняется возросшим интересом к *энвайронментальной* истории (а интерес к последней, в свою очередь, остротой глобальных экологических проблем).³ Понятно, что акцент на особенностях физико-географической среды, как исходной предпосылки всякой истории, не только предопределяет разбивку больших исторических сцен на ландшафтно-однородные региональные фрагменты, но и задает вполне определенный угол зрения на их историю, усматривая главное ее содержание во взаимоотношениях социума с природной средой. Д. Уорстер, один из корифеев «новой» региональной истории американского Запада, видит историю региона в первую очередь как «эволюционирующую экологию человека», главное содержание которой заключается в освоении человеком специфической природной среды, в стратегиях и техниках «выживания», в адаптации к тем возможностям и ограничениям, которые ставит перед ним эта среда.⁴ Еще одним актуальным проблемно-тематическим трендом, сформировавшим «новую» региональную историю, стала переосмысливаемая с либерально-гуманистических позиций *этническая* история, интерес к которой в США в сильнейшей степени подстегнули так называемый пост-вьетнамский синдром 1970-х гг. и борьба за гражданское (расово-этническое) равноправие. По мнению П. Лимерика, одной из основательниц «новой» региональной истории Запада, в новом подходе к региону *энвайронментальный* аспект тесно переплетается с *этническим*⁵ — в том смысле, что этническое в данном случае выступает как бы дифференцирующим культурологическим измерением тех стратегий и техник освоения территории, о которых *энвайронментализм* может говорить только в общечеловеческом аспекте.

Этот методологический симбиоз основательно меняет всю аналитическую оптику регионального исторического исследования. Если «старый» региональный нарратив, восходящий к *тернеровской* концепции секционизма, трактует регионализм преимущественно как тен-

¹ См.: Paasi A. The resurgence of the 'Region' and 'Regional Identity': theoretical perspectives and empirical observations on regional dynamics in Europe // Review of International Studies. 2009. Vol. 35, iss. S1. P. 126, 127.

² См.: Between Time and Space. Newcastle upon Tyne, 2015. P. 1, 4, 5.

³ См.: Armitage S. H. From the inside out: Rewriting Regional History // Frontiers: A Journal of Women Studies. 2001. Vol. 22, No 3. P. 32.

⁴ См.: Worster D. New West, True West: Interpreting the Region's History // Western Historical Quarterly. 1987. Vol. 18, No 2. P. 149.

⁵ См.: Limerick P. N. Region and Reason // All Over the Map: Rethinking American Regions. Baltimore, 1996. P. 88.

денцию нарастающей — поверх всех расово-этнических и культурных барьеров — связности и социетальной общности *внутри* коллективов, обозначаемых как региональные сообщества, а аспект различий переносит в область отношений *между* регионами, то «новый» регионализм, напротив, рассматривает историческую сцену региона преимущественно с акцентом на моментах социально-групповых различий (по признакам расы, этноса, гендера, класса, культурного уровня и т. п.), конкуренции и конфликта. «Новый» регионализм отказывается рассматривать регион как продукт исторического создания какой-то одной доминантной культурной группы (в случае американского Запада это стереотипные образы белого ковбоя, англосакса, мужчины и т. п.), подчеркивая присутствие на региональной сцене множества расово-этнических компонентов — каждый со своим цивилизационным бэкграундом, собственным опытом выживания в данной природной среде, собственными представлениями о легитимности своих прав на землю и ресурсы. Акцент на полиэтничность региональной сцены в данном случае служит лишь общим маркером стремления историков ввести в круг создающих регион общественных сил всё разнообразие «миноритарных» социально-групповых акторов, чья роль прежде принижалась или просто игнорировалась.

В-третьих, говоря о «новой» региональной истории, следует принимать во внимание не только ее связь с изменениями в проблемно-тематических приоритетах, но и те новые эвристические возможности, которые открывает помещение региона в фокус исторического анализа. В представлении сторонников «новой» региональной парадигмы, последняя ценна тем, что задает оптимальную исследовательскую перспективу, заставляя историка двигаться не от анализа крупных исторических структур к детализациям на мезо- и микроуровне, а в обратном направлении — «снизу вверх», то есть от уровня региона к построению нарративов национальной или глобальной истории. Например, для историков, тяготеющих к энвайронментализму, отправной точкой исследования служат элементарные практики освоения человеком конкретной природной среды, рутинная производственно-бытовая повседневность простых людей, из которых последовательно, через цепочки взаимодействий, вырастают более сложные и масштабные общественные структуры.⁶

Иначе говоря, регион мыслится как своего рода модельный микрокосм большого общества — тот оптимальный уровень анализа, где историк обладает большими возможностями и более эффективными инструментами для предметного исследования конфигураций и механизмов взаимодействия между разными (экономической, технологической, социальной, культурно-ментальной и др.) сферами жизнедеятельности общества. П. Лимерик в этой связи подчеркивает: «Без осмысления (истории — К. З.) на региональном уровне, более крупные уровни обобщения лишаются своих корней, своего основания, становятся абстрактными и неубедительными».⁷ В этом же русле оценивают значение регионального уровня исследования историка экономики, придерживающиеся институционального подхода. В своей монографии, посвященной ранней индустриализации английского Северо-Запада в XVIII в., Дж. Стобарт убедительно доказывает, что индустриализацию английских регионов нельзя рассматривать как проявление пространственной или секторальной фрагментации некоего общего процесса индустриализации (возникающего, например, из коммерциализации и «уплотнения» структур аграрной экономики) — напротив, первоначальными «рассадниками» индустриального роста становятся «сравнительно ограниченные регионы», обладающие уникальными сочетаниями трудовых навыков, кредитных и рыночных институтов, предпринимательского динамизма и т. п., и лишь затем эта институциональная модель разрастается до национального уровня.⁸ В этом случае, как доказывает автор, последовательность исторического процесса диктует и логику исторического анализа.

Резюмируя концептуальные новации, привнесенные сторонниками «нового» регионализма в понимание предмета региональных исследований, и глубину произведенной ими ревизии, невозможно отвлечься от специфического контекста, в котором происходило зарождение «новой» региональной парадигмы, — от системных социетальных трансформаций, вызванных глобализацией, от влияния господствующего общественно-политического дискурса и, наконец, от того факта, что «новый» регионализм во многом сформировался (прежде всего, в США) как полемическая антитеза классическому историческому

⁷ Limerick P. N. Op. cit. P. 93.

⁸ См.: Stobart J. The First Industrial Region. North-west England, c. 1700–60. Manchester; New York, 2005. P. 219.

⁶ См.: Worster D. Op. cit. P. 149.

регионализму, восходящему к фронтирной концепции Ф. Дж. Тёрнера. Не отбрасывая этих обстоятельств, а в чем-то даже используя их для более контрастного прояснения методологической ситуации, попытаемся в концентрированном виде определить те присущие «новому» регионализму принципиальные позиции, которые могут иметь общеметодологическое значение.

В трактовке того, что определяется как регион, для «нового» регионализма характерен очевидный энвайронментальный уклон, своего рода органицизм, выражающийся в подчеркнутом внимании к изучению базовых, первичных уровней экономической активности, как бы вырастающих из самих физико-географических свойств территории, — независимо от того, в чем выражается этот хозяйственный инстинкт: в элементарной борьбе за выживание, производственной рутине или погоне за богатством. На первый взгляд, в таком взгляде много общего с концепцией Ф. Дж. Тёрнера, который отмечал, насколько девственная природа американского Запада диктовала образ жизни первопоселенца, ведя в ряде случаев к его крайнему опрощению,⁹ однако общий посыл здесь всё же несколько иной. Если Тёрнер в большей степени характеризует регион *процессуально*, видя его специфику в стадильности прохождения через него «волн» всё более прогрессирующей и усложняющейся экономической активности, а значит, приписывая этой специфике *исторически преходящий* характер, то «новый» регионализм склонен трактовать регион более статично и инерционно, как более или менее стабильную, почти неуничтожимую *структуру*, которая задана его природно-географическими свойствами. Если у Тёрнера регион воплощает лишь этапность продвижения границы освоения (что делает его моментом национальной исторической динамики), то у «новых» регионалистов это сугубо конкретная, в чем-то самодовлеющая и уникальная территория, которая не возникла с приходом белого первопоселенца, но в принципе существовала *всегда* — и *всегда* в том или ином виде осваивалась человеком. В этом контексте «новые» регионалисты довольно скептически и к самому понятию «фронт» как к выражению циклической динамики развития региона — от первого столкновения «цивилизации и дикости»

до «закрытия» фронта в результате освоения региона. В их представлении, специфика региона — это нечто более глубинное, постоянное и многомерное, что транслируется — пусть даже в меняющемся виде — через все этапы истории региона, прежде всего в виде определенной традиции отношения человека к природе, к жизненным ценностям, к «Другому» и т. п. Это не означает, однако, отрицания историчности региона; это скорее манифестация другого ее аспекта — *континуальности*, способности транслировать региональную самобытность от прошлого к настоящему. Этот подход ярко воплощен в монографии П. Лимерика «Наследие завоевания: непрерывающееся прошлое американского Запада»,¹⁰ которая до сих пор является крупнейшим исследованием, реализующим методологию «нового» регионализма в виде плодотворного синтеза экономической истории и культурно-антропологического подхода. Суть нового подхода к пониманию региона и его истории отражает уже само название книги. Основное содержание монографии — история экономического освоения Запада, вдохновляемого прозаическими мотивами погони за прибылью, борьбы за землю и воду, что, в свою очередь, повлияло на все институты, культуру и общественную психологию этого региона и продолжает сегодня определять многое в его моделях деловой активности.

В явном противопоставлении тёрнеровскому пониманию региона как территории, где динамика освоения воспроизводит прогрессирующую общность черт в экономике, социальных институтах и образе жизни, «новый» регионализм стремится подчеркнуть внутренне присущую региону дифференциацию, предлагая видеть его целостность не столько в гомогенности, сколько в «узловом» характере социальных взаимодействий. «Новый» регионализм настаивает на *мультикультуральном* и *мультиакторном* характере процесса освоения региона, предлагая, в частности, уйти от интерпретации освоения Запада США как триумфального марша цивилизации белых англосаксов-мужчин и стремясь поместить в фокус исследования созидательную роль различных расово-этнических групп (не только коренных насельников — индейцев, но и афроамериканцев, «латинос», китайцев, японцев и т. д.), а также любых других социальных фракций

⁹ См.: Тёрнер Ф. Дж. Фронт в американской истории. М., 2009. С. 14, 15.

¹⁰ Limerick P. N. The Legacy of Conquest: The Unbroken Past of the American West. New York, 1987.

общества, которые игнорируются доминантной культурной моделью. Регион освоения становится «перекрестком», на котором сходятся разнообразные миграционные потоки и культурные влияния.¹¹ Внимание к каждой из таких групп предпослано определенной методологической презумпцией — видением истории не как череды великих событий, направляемых выдающимися деятелями и героями, но как бесчисленного множества «низовых» активностей и взаимных реакций масс простых людей.¹² В таком контексте вклад каждой группы акторов в развитие региона видится если не равновеликим, то по крайней мере равно значимым и достойным внимания. Как полагает П. Лимерик, помимо своего непосредственного трудового вклада в освоение региона, каждый из социальных акторов является носителем определенной культуры и производственного опыта, того или иного способа взаимодействия с природой и — что самое главное — устойчивого сознания легитимности своих прав на ресурсы региона. По мнению историка, наряду с реально складывающимся распределением ресурсов региона, это сознание легитимности становится ключевым фактором, который делает регион ареной не только сотрудничества, но и конкуренции и конфликта.¹³ В этом смысле, как считают сторонники «новой» региональной парадигмы, регион, концентрируя в себе все социологически значимые виды социальных взаимодействий, может рассматриваться как уменьшенный и более удобный для конкретного исследования аналог «большого» общества.

Однако претензии «нового» регионализма на то, что новый подход к осмыслению истории региона может стать универсальной объяснительной моделью для более крупных исторических обобщений, не лишены внутренней противоречивости. С точки зрения полноты и всесторонности взгляда на региональную сцену (и что важно взгляда «снизу») «новый» регионализм, несомненно, является шагом вперед по сравнению с упрощенной, довольно одномерной и к тому же идеологически ангажированной, страдающей этноцентричным империализмом концепцией фронтира, однако последняя имеет то преимущество,

что посредством представлений о стадильности экономической эволюции прочно связывает историю региона с национальной исторической жизнью. «Новый» же регионализм, подчеркивая уникальную специфику каждого региона, в этом отношении скорее выполняет изолирующую функцию. Выход из этой ловушки провинциализма сторонники «нового» регионализма находят в расширении поля компаративных исследований, доказывая, что и сам их подход, и предлагаемая структура анализа могут оказаться полезными для изучения типологически сходных региональных феноменов в глобальном масштабе.¹⁴

Такое несомненное влияние «нового» регионализма можно проследить в характерных трансформациях дискурса, связанного с осмыслением глобальных процессов колонизации. В частности, довольно много пересечений и методологически общих черт обнаруживается между «новым» регионализмом и влиятельной концепцией «переселенческого колониализма» (*settler colonialism*), возникшей в 1990-е гг. и набравшей популярность в 2000-х гг.

Очевидно, что оба направления мысли испытали мощное идейное влияние либерального мультикультурализма, который, подвергая критике империализм и колониализм, призывает к глубокой ревизии многих традиционных исторических оценок. Характерная черта этой ревизии — стирание четких границ между понятиями «колониализм» и «колонизация». Конечно, разграничение между откровенно империалистским, классическим колониализмом, вдохновляемым политическими и торговыми целями, и гораздо более демократичным феноменом переселенческой колонизации, превратившейся к концу XIX в. в глобальный процесс «переселенческой революции», проводится, однако колониализм, отождествляемый с завоеванием и истреблением туземных сельников, их экспроприацией и эксплуатацией — пусть в ином виде и в иной степени, — но считается таким же неотъемлемым ингредиентом переселенческой колонизации, как и классической колониальной политики. При этом колонист-переселенец, который, в отличие от временного колониального агента (чиновника, торговца, солдата), приходит на новую территорию, чтобы «остаться» — связать с ней всю структуру своих жизненных интересов, с одной стороны, выступает носителем колониализма

¹¹ См.: Massip N. The Role of the West in the Construction of American Identity: From Frontier to Crossroads // *Caliban*. 2012. Vol. 31. P. 239–248. URL: <http://journals.openedition.org/caliban/486> (дата обращения: 04.07.2021).

¹² См.: Armitage S. H. Op. cit. P. 36.

¹³ См.: Limerick P. N. The Legacy of Conquest... P. 27.

¹⁴ См.: Massip N. Op. cit.

даже в большей степени и в более грубых, откровенных формах, чем далекая метрополия; с другой — для него характерна более сложная и тонкая «настройка» на взаимодействие с коренными насельниками по мере того, как он сам становится отчасти «туземцем», креолом, подвергается индигенизации. Этот колониализм не исчезает вместе, скажем, с освобождением от власти метрополии и продолжает пронизывать всю социальную и институциональную структуру «нации» переселенцев, всё ее мировоззрение вплоть до наших дней.¹⁵ Очевидно, что ничего принципиально нового в таком прочтении истории колонизации нет, и главный смысл концепции «переселенческого колониализма» в том, что она своим критическим острием направлена на разрушение традиционного нарратива, связанного с фронтирной концепцией Ф. Дж. Тёрнера, в котором миссия белого поселенца трактуется как долгожданный приход прогресса и цивилизации на пустующие земли, а слабое сопротивление туземцев в ряде случаев почти неотличимо от природных препятствий. Как уже отмечено выше, эту же интенцию содержит в себе подход «новых» регионалистов, в частности П. Лимерик, которая предпочитает трактовать колонизацию не как «открытие» и «освоение» территории, а как «завоевание» и «присвоение». Возможность преодоления этноцентричного «прогрессизма» старого колониационного дискурса видится в формировании сбалансированного, по возможности объективного взгляда на процесс колонизации как на драму (а иногда и трагедию) столкновения и конфликта социальных нарративов (или, в терминах П. Лимерик, «легитимностей») колонизирующего поселенца и покоряемого туземца.

Гораздо более интересную и методологически важную параллель можно обнаружить в разделяемой обоими концептуальными направлениями идее *континуальности* колониационного прошлого и, соответственно, необходимости его рассмотрения не только как процесса, но и как *структуры*. Как доказывает австралийский историк Л. Верачини, один из создателей и ведущих представителей концепции «переселенческого колониализма» как научного направления, большинство прежних подходов к колонизации (которая зачастую была синонимична понятию «засе-

ление») основывалось на «эксклюзивистских дихотомиях» и крайне упрощенных нарративах, сформированных самими переселенческими сообществами, например, на систематическом «вытеснении» из общественного дискурса всего, что связано с миром туземцев или на представлениях о «пустой земле», где туземец вроде бы *еще* присутствует, но *уже* не мыслится в связи с ней.¹⁶ Историк предлагает рассматривать общество, созданное в процессе переселенческой колонизации, как структурированную целостность, в которой более или менее отчетливо выделяются три центра, или фактора, социальной «кристаллизации»: 1) «общество» колонистов-переселенцев; 2) маргинализированный мир покоряемых туземцев («внутренние Другие»); 3) разнообразные группы мигрантов, прибывающие на колонизируемую территорию, но не интегрирующиеся или с трудом и не сразу интегрирующиеся в «общество» колонистов («внешние Другие») — например, ирландцы-католики в массе англосаксов-протестантов; мексиканские поденчики, китайские рабочие или черные рабы в западных штатах Америки и т. п.¹⁷ Ряд авторов полагают, что этот структурирующий треугольник взаимоотношений должен быть дополнен четвертым фактором — властью метрополии, чей интерес в чем-то совпадает с интересом «общества» колонистов, а в чем-то существенно различается. Метрополия и ее агентские структуры на местах стремятся не только способствовать развитию колонизируемой территории, но и поддерживать свой контроль на ней, регулируя баланс отношений между колонистами и туземцами.¹⁸

В этой структурной диспозиции «конститутивная гегемония» (по выражению Л. Верачини), безусловно, принадлежит переселенческому компоненту; он задает всю нормативную систему, в соответствии с которой строится новое «общество» колонистов. Однако для понимания специфики этого общества — не только его эволюционной траектории, но и перманентно присутствующей в нем амбивалентной раздвоенности и переходности — принципиально важен именно структурный контекст. В идеале оно строится на стремлении добиться социально-институциональной полноты зрелого об-

¹⁶ См.: Veracini L. On Settleness // *Borderlands*: e-journal. 2011. Vol. 10, № 1. URL: <http://www.borderlands.net.au/issues/vol-10no1.html> (дата обращения: 20.03.2021).

¹⁷ См.: Veracini L. *Settler Colonialism: A Theoretical Overview*. London, 2010. P. 17, 18, 20.

¹⁸ См.: Barker A., Lowman E. B. *Op. cit.*

¹⁵ См.: Barker A., Lowman E. B. *Settler Colonialism // Global Social Theory*. URL: <https://globalsocialtheory.org/concepts/settler-colonialism/> (дата обращения: 01.07.2021).

пещественного организма, сокращая дистанцию своего отставания от общества метрополии, но с такой же настойчивостью оно стремится добиться большей автономии от метрополии во всем, что касается распоряжения ресурсами своего нового «дома» (включая контроль над туземной политикой). Амбивалентный характер приобретает и присущая этому «обществу» колонистов идентичность: с одной стороны, оно находит смысл своего существования в новой родине и поэтому становится в некотором смысле туземным, с другой — по отношению к внешним и внутренним «Другим» оно продолжает выступать репрезентантом культурного кода метрополии (иногда даже более сильным и выразительным, чем она сама). Похожим противоречивым образом складываются взаимоотношения «общества» колонистов с маргинализированным туземным компонентом. В отличие от классического имперского колониализма, где предполагается не только эксплуатация туземцев, но и огромное разнообразие контактов с ними со стороны колониальных агентов, «переселенческий колониализм» работает в целом на уничтожение или вытеснение туземца — скорее как препятствия для развертывания нормальной экономической деятельности. С другой стороны, «общество» колонистов для укрепления собственной идентичности испытывает символическую необходимость присутствия рядом фигуры туземца как культурной антитезы.¹⁹ Таким образом, возникающее в процессе колонизации «общество» переселенцев мыслится как сложный многоакторный социальный организм, в развитии которого большую роль играют не только материальные отношения, но и семантика символических репрезентаций, которые его пронизывают.

Проблематика «переселенческого колониализма» (как и «нового» регионализма, в значительной степени выросшего из нарратива истории колонизации Запада США) довольно быстро превращается в область интенсивных компаративных исследований и продуктивного междисциплинарного синтеза, обеспечивающего связь истории с социологией, этнологией и культурной антропологией. В известном смысле это видится сегодня необходимой формой существования и развития новых направлений: их концептуально-теоретическое содержание, сформированное на основе анализа ограниченного числа национальных моделей колониационного опыта (в основ-

ном американского и австралийского), может приобрести и подтвердить свое значение в качестве адекватной, обладающей варибельной гибкостью, «работающей» методологии только в процессе верификации и уточнений, которые обеспечивают широкие компаративные сопоставления и опыт других социальных наук. Перспективность этого пути уже предопределена выходом в свет в 2017 г. сборника исследований-резюме под редакцией Э. Кавана и Л. Верачини, в котором делается попытка представить «переселенческий колониализм» как глобальный социальный феномен, развертывающийся во времени (с древнейших времен до наших дней) и в пространстве (Старый Свет, Азия, Африка, Америка, Австралия).²⁰

Несомненно, что предлагаемый «новой» региональной парадигмой и методологически тесно связанной с ней концепцией «переселенческого колониализма» подход к региональной истории — прежде всего к опыту регионов, сформировавшихся в процессе колонизации (на обобщении которого, собственно, выросли оба направления), — нельзя считать только отражением существенно изменившегося за последние десятилетия общественно-политического дискурса, связанного с распространением либерального мультикультурализма, обращенной в прошлое критикой расизма и империализма, усилиями по реабилитации ранее дискриминируемых этнических групп. Оба концептуальных направления воплотили в себе назревшие сдвиги в методологии изучения региональной истории, которые, с одной стороны, связаны с переосмыслением возможностей и эвристической ценности регионального анализа для исследования более крупных — национальных и глобальных — процессов, с другой — с критической ревизией ранее устоявшихся и сохранявшихся десятилетиями интерпретаций процессов колонизации, прежде всего фронтальной концепции Ф. Дж. Тёрнера. Характерный для обеих концепций критический пафос не снижает эпистемологической ценности их реальных достижений: более глубокого и многомерного взгляда на факторы регионообразования;

¹⁹ См.: Veracini L. *The Settler Colonial Present*. New York, 2015. P. 2, 3.

²⁰ См.: *The Routledge Handbooks of the History of Settler Colonialism*. London; New York, 2017. Дискуссионный контекст обсуждения присутствия феномена «переселенческого колониализма» в опыте русской колонизации XVII–XIX вв. на основе сопоставления разных типов нарратива (в том числе их новейших «деколонизирующих» версий, представленной историографией Казахстана и государств Средней Азии) в этой книге интересно и остро, но, к сожалению, поверхностно проанализирован Александром Моррисоном.

применения структурного подхода для исследования движущих сил и противоречий колониационного процесса, типологической характеристики обществ, возникающих в ходе колонизации; переосмысления колонизации как мультиакторного и мультикультурного ре-

зультирующего процесса не только сотрудничества, но и конкуренции жизненных стратегий. Следующим шагом, как представляется, должен стать плодотворный синтез методологических достижений «старого» (тёрнеровского) и «нового» регионализма.

Konstantin I. Zubkov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

“NEW” REGIONAL PARADIGM AND THE DISCOURSE OF COLONIZATION

The article analyzes the conceptual novelties in the regional history studies, which in the 1980s led to the formation of a “new” regional paradigm in historical researches, and later, in the 1990–2000s, — the concept of “settler colonialism” as one of its applications to the study of colonization processes. A regional “turn” in historiography associated with the use of descriptions of regional situations as a model for analyzing larger levels of historical reality (including region-oriented institutionalism in economic history), as well as with changes in the thematic focus of regional history studies (environmentalism, structures of everyday life, ethnic history, history of mentality), formed — mostly on the materials of the colonized regions of the U.S. West — the paradigm of “new” regional history. In line with the criticism of the shortcomings inherent in F. J. Turner’s “frontier” concept, the “new” regionalism offers as a research paradigm a deeper and multidimensional view of the natural basis of the region and its typical everyday life structures, identifying the unique specifics of each region, structural analysis of the region’s societal composition, emphasizing the multicultural and multi-actor nature of the colonization process, the multiplicity of development strategies and the “nodal” character of social interactions. In turn, these methodological ideas formed the basis of the “settler colonialism” concept focused on the structural analysis of “societies” arising in the process of colonization, and their characteristic array of complicated socio-institutional and interethnic interactions. This allows us to characterize the “new” regionalism and its application to the analysis of the colonization phenomenon as an important stage in a more in-depth and multifaceted study of colonization problems.

Keywords: *region, “new” regionalism, frontier, structural approach, multiculturalism, discourse, narrative, “settler colonialism”, colonization*

REFERENCES

- Armitage S. H. From the inside out: Rewriting Regional History. *Frontiers: A Journal of Women Studies*, 2001, vol. 22, no. 3, pp. 32–47. DOI: 10.2307/3347238 (in English).
- Barker A., Lowman E. B. Settler Colonialism. *Global Social Theory*. Available at: <https://globalsocialtheory.org/concepts/settler-colonialism/> (accessed: 01.07.2021). (in English).
- Between Time and Space*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2015. (in English).
- Limerick P. N. Region and Reason. *All Over the Map: Rethinking American Regions*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996, pp. 83–104. (in English).
- Limerick P. N. *The Legacy of Conquest: The Unbroken Past of the American West*. New York: W. W. Norton, 1987. (in English).
- Massip N. The Role of the West in the Construction of American Identity: From Frontier to Crossroads. *Caliban*, 2012, vol. 31, pp. 239–248. Available at: <http://journals.openedition.org/caliban/486> (accessed: 04.07.2021). DOI: 10.4000/caliban.486 (in English).
- Paasi A. The resurgence of the ‘Region’ and ‘Regional Identity’: theoretical perspectives and empirical observations on regional dynamics in Europe. *Review of International Studies*, 2009, vol. 35, iss. S1, pp. 121–146. DOI: 10.1017/S0260210509008456 (in English).
- Stobart J. *The First Industrial Region. North-west England, c. 1700–60*. Manchester; New York: Manchester University Press, 2005. (in English).
- The Routledge Handbooks of the History of Settler Colonialism*. London; New York: Routledge, 2017. (in English).
- Turner F. J. *Frontir v amerikanskoy istorii* [The Frontier in American History]. Moscow: “Ves’ Mir” Publ., 2009. (in Russ.).
- Veracini L. On Settlerism. *Borderlands: e-journal*, 2011, vol. 10, no. 1, Available at: <http://www.borderlands.net.au/issues/vol10no1.html> (accessed: 20.03.2021). (in English).
- Veracini L. *Settler Colonialism: A Theoretical Overview*. London: Palgrave Macmillan, 2010. (in English).
- Veracini L. *The Settler Colonial Present*. New York: Palgrave Macmillan, 2015. (in English).
- Worster D. New West, True West: Interpreting the Region’s History. *Western Historical Quarterly*, 1987, vol. 18, no. 2, pp. 141–156. DOI: 10.2307/969580 (in English).